

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ОКТАВРЬ
1872.

(ЧЕТВЕРТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ).

ЧАСТЬ СЛXIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашева, Большая Садовая, д. № 49—2.
1872.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Очеркъ внутренней исторіи Искова . . . . . А. И. Нивитскаго.

Древняя британская церковь . . . . . И. Ф. Морозкина.

**Болгарія подъ турецкимъ владычествомъ,
преимущественно въ XV и XVI вѣкахъ.** В. В. Макушева.

**Международный статистическій конгрессъ въ
С.-Петербургѣ . . . . .** П. Е. П—ва.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Русская исторія. Соч. К. Н. Бестужева-Рюмина. Т. I.
С.-Пб. 1872. Изданіе Д. Е. Кожанчикова . . . . . М. О. Бояловича.

**Русскія письменныя упражненія гимназиче-
скаго курса . . . . .** И. В. Гаврилова.

Современная лѣтопись. (См. на 3-й стр. обѣрки).

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Русская исторія. К. Н. Бестужева-Рюмина. Т. I. С.-Пб. 1872. Изданіе Д. Е. Ко-
жанчикова.

О „Русской исторіи“ К. Н. Бестужева-Рюмина уже высказано въ нашей литературѣ нѣсколько отзывовъ, и въ настоящее время книга эта составляетъ настольную книгу у весьма многихъ. Поэтому, настоящія наши замѣтки о ней легко могутъ быть провѣрены читателями ея и вызвать ихъ на новую провѣрку своихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ чтенія этого замѣчательнаго сочиненія. Съ этою цѣлью мы и пишемъ эти замѣтки въ настоящее время.

При встрѣчѣ съ новымъ, крупнымъ трудомъ въ области русской исторіи, у насъ то и дѣло приходится обращаться къ исторіи Карамзина, какъ къ такому труду, который до сихъ поръ незамѣнимъ и до сихъ поръ во многихъ отношеніяхъ опредѣляетъ высшую точку зрѣнія, съ какою приходится оцѣнивать другіе труды. „Русская исторія“ К. Н. Бестужева-Рюмина тѣмъ естественнѣе будетъ воспоминаніе о Карамзинѣ, что въ ней восстанавлиются нѣкоторые изъ лучшихъ ученыхъ приемовъ Карамзина. Въ Карамзинѣ, между прочимъ, дорого то, что онъ далъ намъ не только имъ самимъ сдѣланныя открытія, но и всѣ важнѣйшія данныя предшествовавшаго ему русскаго ученаго труда, — данныя нашей литературы русской исторіи. Приемъ этотъ послѣ Карамзина слишкомъ часто оставляемъ былъ у насъ въ сторонѣ. Сильная послѣ него работа археографическая, богатые открытія въ области рукописей заслонили собою прошедшій литературный трудъ и покрывали забвеніемъ многое, сдѣланное прежде. Кромѣ того, наши труды по русской исторіи болѣе и болѣе распадались на изслѣдованія частныхъ вопросовъ, услѣдить за которыми становилось труднѣе и труднѣе и старымъ, а тѣмъ болѣе новымъ, молодымъ ученымъ. Затрудненіе это въ недавнее еще время было такъ велико, что изданіе простыхъ указателей книгъ по русской исторіи, по справедливо-

сти, считалось драгоценнымъ пособіемъ къ ознакомленію съ литературою этой науки.

Трудъ К. Н. Бестужева-Рюмина самымъ счастливымъ образомъ удовлетворяетъ теперь прежде всего этой потребности и восстанавливаетъ во всей силѣ вышеупомянутый приемъ Карамзина. Въ „Русской исторіи“ К. Н. Бестужева-Рюмина мы видимъ прежде всего ученый сводъ написаннаго по русской исторіи. Почти половину его книги занимаетъ литература русской исторіи, и затѣмъ въ самой „Исторіи“, въ началѣ каждой главы, перечислены главнѣйшія сочиненія по предмету главы, и наконецъ, при самомъ изложеніи событій, дѣлаются указанія на источники и изслѣдованія. Весь трудъ г. Бестужева-Рюмина есть, повторяемъ, прежде всего, самый полный въ настоящее время сводъ всего написаннаго по русской исторіи. Это уже одно отырываетъ намъ громадное достоинство этого труда, которое, безъ всякаго сомнѣнія, возбуждаетъ во всѣхъ читающихъ это сочиненіе глубокое уваженіе къ автору. Ближайшее изученіе этого полнѣйшаго ученаго свода, написаннаго по русской исторіи, можетъ также поддерживать это уваженіе.

Собирая въ одно труды по русской исторіи, авторъ занимаетъ по отношенію къ нимъ совершенно спокойное и безпристрастное положеніе. Онъ съ уваженіемъ относится ко всѣмъ трудамъ, внесшимъ то или другое приобрѣтеніе въ науку русской исторіи, прилагаетъ къ оцѣнкѣ ихъ только общепризнанные критическіе приемы, нерѣдко даже уклоняется самъ произносить сужденіе, а чаще всего предоставляетъ собраннымъ имъ въ одно мѣсто писателямъ по русской исторіи, такъ-сказать, вѣдаться самимъ съ собою, сопоставляя ихъ то по тому, то по другому вопросу, при чемъ и читатель невольно вызывается принять участіе въ этомъ мирномъ междуособіи русскихъ историковъ, сводимымъ трудолюбивымъ авторомъ то на томъ, то на другомъ поприщѣ въ обширной области русской исторіи. Вотъ тѣ общія для всѣхъ частей труда г. Бестужева-Рюмина особенности, какія, по нашему мнѣнію, прежде всего бросаются въ глаза. Перейдемъ теперь къ частямъ этого обширнаго труда и войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

При обзорѣ литературы русской исторіи, писатель встрѣчаетъ не только трудность собрать все написанное, но также и трудность указать въ громадной массѣ написаннаго руководящія нити, которыя дали бы читателю возможность не затеряться. На одну память, здѣсь, разумеется, нельзя разчитывать; нельзя также при этомъ руковод-

сводиться и однимъ тѣмъ соображеніемъ, что памяти поможетъ справка съ книгою при встрѣтившейся надобности. Но дать полный сводъ данныхъ по литературѣ русской исторіи и указать вездѣ руководящія нити, а тѣмъ болѣе свести ихъ въ одну—дѣло въ высшей степени трудное. Читавшіе и изучавшіе книгу К. Н. Вестужева-Рюмина, вѣроятно, согласятся съ нами, что нашъ авторъ гораздо болѣе былъ занятъ въ своемъ литературномъ трудѣ собираніемъ написаннаго, нежели указаніемъ руководящихъ нитей, и что это особенно бросается въ глаза въ его обзорѣннѣ трудовъ, болѣе или менѣе прагматическихъ и особенно позднѣйшаго времени,—обзорѣннѣ, доходящемъ иногда до простаго перечета заглавій книгъ и именъ авторовъ, какъ напримѣръ, при обзорѣннѣ сказаній иностранныхъ писателей, или въ главѣ о научной обработкѣ исторіи. Это наше мнѣніе, впрочемъ, требуетъ поясненій.

Въ началѣ каждой группы памятниконъ или пособій авторъ даетъ всегда общее понятіе о нихъ, и нерѣдко его взгляды обнимаютъ всю совокупность матеріала и вводятъ въ пониманіе существенныхъ ихъ сторонъ. Во главѣ такихъ обзорѣннѣ нужно поставить, не только по мѣсту, но и по достоинству, обзорѣннѣ лѣтописей—самостоятельный трудъ автора, дающій извѣстный, новѣйшій результатъ изученія лѣтописей—многосоставность не только позднѣйшихъ лѣтописей, но и первоначальной, извѣстной подъ именемъ лѣтописи Нестора. Объ этомъ новѣйшемъ результатѣ изученія лѣтописей мы считаемъ излишнимъ сказать здѣсь, что онъ меньше всего можетъ утверждаться на томъ положеніи, что точныя указанія въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ—чисель, дней и иногда даже часовъ дней о дѣлахъ въ разныхъ и иногда отдаленныхъ другъ отъ друга городахъ, мѣстностяхъ показываютъ, будто бы эти извѣстія записаны въ разныхъ мѣстахъ. При постоянныхъ передвиженіяхъ князей и дружинниковъ въ древней Руси, при частыхъ сборахъ ихъ въ Кіевѣ и посѣщеніи Кіево-Печерскаго монастыря, многія изъ этихъ извѣстій съ совершенною точностію могли быть записаны въ Кіевѣ, а иныя могли быть приписаны на поляхъ, самими участниками или ближайшими свидѣтелями событій на первыхъ же экземплярахъ первоначальной лѣтописи, которая обращалась прежде всего въ средѣ князей и дружинниковъ, и затѣмъ эти вставки внесены были въ текстъ переписчиками. Последнее обстоятельство—перенесеніе въ текстъ замѣтокъ, сдѣланныхъ на поляхъ, имѣетъ первѣйшее значеніе при опредѣленіи состава лѣтописей, а между тѣмъ этотъ вопросъ оставленъ въ сторонѣ нашимъ почтеннымъ авторомъ.

Правда, трудности при рѣшеніи этого вопроса кажутся неодолимыми. Списки первоначальной лѣтописи восходятъ не дальше конца XIV вѣка, когда уже, естественно, должны были затеряться слѣды перенесенія давнихъ вставочныхъ извѣстій съ полей рукописей въ текстъ; но нѣкоторые слѣды, даже внѣшніе, этого перенесенія сохранились до сихъ поръ, но крайней мѣрѣ, не безъ основанія даютъ поводъ подозревать ихъ¹⁾. Наконецъ, если бы даже считать этотъ вопросъ совершенно безнадежнымъ, то и въ такомъ случаѣ, зная его важность, не слѣдовало бы забывать о немъ, дѣлая выводъ, что у насъ не было первоначального текста Несторовой лѣтописи, и во всякомъ случаѣ не слѣдовало рѣшать вопроса о составѣ лѣтописей помимо рукописныхъ списковъ, какъ это сдѣлалъ нашъ авторъ. Намъ кажется, что изслѣдованія нашей древней лѣтописи доходить уже до крайнихъ предѣловъ ея раздробленія, и что затѣмъ начнутся попытки, или точнѣе сказать, возобновятся старыя попытки отыскать въ ней слѣды первоначальной цѣльности.

Другія главы въ обзорѣни литературы русской исторіи, хотя не представляютъ такого цѣльнаго и самостоятельнаго труда, какъ глава о лѣтописяхъ, не выдаются тоже многими крупными достоинствами, — отчетливостію сообщаемыхъ свѣдѣній, мѣткими указаніями достоинствъ и недостатковъ сочиненій, особенно въ области старинной нашей письменности. Можно развѣ пожалѣть о томъ, что авторъ, разбивъ, для болѣе удобнаго изученія на особыя группы, такіа сродныя и связныя вещи, какъ отдѣльныя сказанія, житія, записки и памятники словесности письменной, затруднилъ себѣ разрѣшеніе нѣкоторыхъ общихъ, но весьма важныхъ вопросовъ, какъ напримѣръ, вопроса о постепенномъ историческомъ сводѣ въ одно всѣхъ этихъ памятниковъ, дошедшемъ черезъ патерики, сборники, до церковной энциклопедіи, извѣстной подъ именемъ Макарьевскихъ Четьихъ-Миней, рядомъ съ которою вырабатывались также своды свѣтскихъ памятниковъ, явившіеся въ сводныхъ лѣтописяхъ Московскаго періода, хронографахъ, стеновнхъ книгахъ. Этотъ вопросъ, по нашему мнѣнію, тѣмъ болѣе важенъ, что слѣдя за историческимъ развитіемъ вышесказанныхъ сводовъ, можно видѣть, хотя медленное, но неоспоримое развитіе у насъ, задолго до Петра, ученыхъ приемовъ къ изученію нашего прошедшаго. При этомъ вопросъ получаютъ значеніе даже такіа, по види-

¹⁾ Лѣтопись занятій Археогр. Комиссіи за четыре года, отд. IV, стр. 113, мнѣніе объ изданіи лѣтописей А. В. Горскаго.

тому, простыя вещи, какъ справочные списки духовныхъ и свѣтскихъ людей, русскихъ, греческихъ и другихъ странъ, изъ которыхъ ныне попадаютъ въ очень старыя времена, и которые подвергались дальнейшей разработкѣ въ посольскомъ приказѣ и выразились въ такихъ трудахъ, какъ обзорнія государей, составлявшіяся при Алексѣѣ Михайловичѣ. Тогда бы, конечно, уяснилось, какъ могли явиться у насъ до Петра такія умныя сочиненія, какъ исторія Іоанна IV, составленная Курбскимъ, которую, по всей справедливости, нужно назвать исторіей Россіи Московскаго періода до Іоанна IV, и исторіей съ неоспоримыми признаками прагматизма. Надлежащая постановка вопроса о постепенномъ развитіи у насъ историческаго изученія нашего прошедшаго, безъ сомнѣнія, дала бы совсѣмъ другой видъ послѣдней главѣ въ обзорніи литературы русской исторіи нашего автора подъ заглавіемъ: „Научная обработка исторіи“, — на которую, вѣроятно, читатели обратили особенное вниманіе и встрѣтили въ ней несовсѣмъ ожидаемыя сужденія.

Почтенный авторъ разбираемой нами „Русской исторіи“ усматриваетъ начало научной обработки русской исторіи во времени послѣ смерти Петра и выводитъ его отъ нашихъ ученыхъ Нѣмцевъ — Коля, Байера и другихъ.

Эти первоначальники науки, какъ называетъ ихъ авторъ¹⁾, дѣйствительно писали съ учеными приемами о предметахъ, болѣе или менѣе близко касающихся русской исторіи; но дѣйствительное вліяніе ихъ на усиленіе у насъ научной обработки русской исторіи до весьма поздняго времени неоспоримо выражалось только на томъ, что они въ своихъ трудахъ оскорбляли русское народное чувство и вызывали Русскихъ на отпоръ ихъ ненаучной теоріи о превосходствѣ тевтонскаго рода и языка надъ русскимъ родомъ и языкомъ; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ сочиненія ихъ входятъ въ разрядъ иностранныхъ писателей о Россіи, и въ такомъ случаѣ нѣтъ достаточныхъ научныхъ основаній вести начало научной обработки нашей исторіи отъ нихъ, а не отъ другихъ иностранныхъ писателей, не отъ Герберштейна, напримѣръ, Флетчера, Олеарія, Буссова и др. Дѣйствительное начало научной обработки нашей исторіи ведется не отъ этихъ первоначальниковъ науки, и даже продолженіе этой обработки почти до конца прошедшаго столѣтія находится въ дѣйствительной связи съ этимъ воображаемымъ началомъ. Впрочемъ, самъ ав-

¹⁾ Русская Исторія, стр. 209.

торъ сознавать, по видимому, неправильность своего взгляда и самъ ослабляетъ его: онъ говоритъ, что „слѣды (научной обработки) можно отыскать“ и раньше, напримѣръ, хоть въ библиографическихъ трудахъ Медвѣдева, въ нѣкоторыхъ трудахъ Теофана: въ „Родословной росписи“, изданной имъ въ 1720, въ „Разсмотрѣніи повѣсти о Кириллѣ и Меѳодіѣ“, но даже эти труды еще не основали науки, являясь случайно (!) и соприкасаясь съ остатками стараго (!), куда надо отнести „Ядро Россійской Исторіи“ Манжѣева, бывшаго секретаремъ князя Хилкова, выборку извѣстій, очень близкую къ знаменитому (?) „Синописцу“¹⁾.

Въ этой, по сущности, весьма важной уступкѣ автора въ пользу нашего русскаго, самобытнаго развитія ученой обработки русской исторіи, насъ прежде всего поражаютъ странныя выраженія: *являясь случайно, соприкасаясь съ остатками стараго!* Что можетъ казаться болѣе случайнымъ, какъ не изученіе, напримѣръ, Болтиннымъ русской исторіи, а между тѣмъ кто рѣшится отказать его вѣдическимъ статьямъ въ научномъ знаніи и не признать его сильнымъ двигателемъ научной обработки русской исторіи? Многочисленные современники и многіе изъ потомковъ считали трудъ Татищева воспроизведеніемъ старыхъ лѣтописныхъ повѣствованій даже по слогу, а между тѣмъ это старое было дѣльнѣе и плодотворнѣе многого изъ трудовъ первоначальниковъ науки. Затѣмъ, мы не понимаемъ, какимъ образомъ, говоря о началѣ научной обработки русской исторіи и видя дѣйствительные слѣды ея до появленія трудовъ первоначальниковъ науки, можно мелькомъ бросать взглядъ на эти слѣды и спѣшить къ трудамъ, оставшимся безплодными едва не цѣлое столѣтіе? Намъ думается, что эти слѣды стоили самого напряженнаго вниманія и изученія; тогда открылись бы рядомъ съ ними и впереди ихъ другіе слѣды научной обработки нашей науки, и эта обработка отодвинулась бы далеко назадъ и представилась бы, напримѣръ, такою, какъ, ее представилъ С. М. Соловьевъ, который и въ знаменитомъ „Синописцѣ“ видитъ научное движеніе впередъ историческихъ у насъ знаній, и видитъ совершенно основательно.

„Синописецъ“ издавался десятки разъ; цѣлыми поблѣніи изучали по немъ русскую исторію и рядомъ съ дурнымъ подборомъ фактовъ, находили и такія мысли, которыя способны были воодушевить къ серьезному изученію исторіи родины. Въ этомъ нестройномъ трудѣ

¹⁾ Стр. 208 — 209.

мы видимъ, сильную любовь къ отечеству. Довольно указать на такія, напримеръ, соображенія ученаго и вмѣстѣ патриотическаго характера, какъ то, что договоры Олега и Игоря доказываютъ существованіе на Руси письменности гораздо раньше, чѣмъ она явилась у Поляковъ. Сочиненіе это дѣйствительно и вызвало на изученіе русской исторіи. Оно вызвало довольно счастливое подражаніе, выразившееся въ трудѣ Магѣева, представляющее попытку замѣнить польскія извѣстія „Синописа“ русскими лѣтописными извѣстіями; оно неоспоримо имѣло вызывающее вліяніе и на большой трудъ Щербатова, которому нельзя отказать въ знаніи нѣкоторыхъ научныхъ приѣмовъ. Словомъ, наши чисто русскія попытки къ научной обработкѣ предмета явились гораздо раньше появленія у насъ первоначальниковъ нашей науки и не оставались безплодными. Попытки эти становятся еще важнѣе, когда мы подходимъ ко времени появленія у насъ первоначальниковъ науки и встрѣчаемся съ трудами Татищева, котораго нашъ авторъ, хотя ставитъ въ своемъ обзорѣ литературы русской исторіи выше, чѣмъ ставилъ въ своемъ особомъ изданномъ изслѣдованіи о составѣ лѣтописей¹⁾, но не отдаетъ ему и теперь надлежащей справедливости. При оцѣнкѣ трудовъ Татищева по русской исторіи, нужно поставить на послѣднемъ планѣ то, что сочиненія его изданы слишкомъ поздно, нужно даже придавать второстепенное значеніе и тому, что онъ писалъ свое сочиненіе въ то время, когда уже писали первоначальники науки, и могъ уже пользоваться ими. Главнѣйшее значеніе нужно придавать ходу историческихъ занятій Татищева. Занятія эти не были только кабинетныя, уединенныя. Они большею частью были на виду у весьма многихъ, къ нимъ многіе призывались, къ поддержкѣ и расширенію ихъ призывалось само правительство. Это было не единичное занятіе географіей, исторіей Россіи; это была школа труженниковъ въ области русской исторіи. Школа эта, конечно, вызвана общимъ движеніемъ къ просвѣщенію Петровскаго времени, но первоначальники науки тутъ долгое время были не при чемъ. Школа эта начала развиваться до ихъ появленія, и если бы не они, то она, по всей вѣроятности, далеко расширилась бы и укрѣпилась съ несравненно большею пользою для русской исторіи, нежели какую принесли тогда первоначальники науки. Въ настоящее время весь этотъ вопросъ значительно уже разработанъ въ трудѣ Нила Попова: „Татищевъ и его время“, и потому:

¹⁾ См. стр. 71, примѣч. 5.

то тѣмъ страннѣе встрѣчатъ въ настоящее время непризнаніе великой важности и плодотворнаго вліянія трудовъ Татищева. Наконецъ, крайняя степень неожиданнаго пристрастія автора къ первоначальникамъ науки выразилась въ томъ, что онъ называетъ отцомъ русской исторіи, да еще настоящимъ отцомъ, извѣстнаго академика Миллера, издателя многихъ книгъ по русской исторіи, собирателя громаднаго числа сибирскихъ актовъ и составителя нѣкоторыхъ сочиненій. Труженическая дѣятельность Миллера, выше всякаго сомнѣнія, даетъ ему право на великое уваженіе и благодарность, но никакъ не на названіе отца русской исторіи. Въ ученой дѣятельности Миллера мы не можемъ найти существеннаго признака созданнаго для него г. Бестужевымъ-Рюминымъ положенія, — именно, не находимъ ученыхъ дѣтей. Тѣ русскіе ученые, которые работали вмѣстѣ съ Миллеромъ или пользовались его матеріалами, какъ Новиковъ, Бантышъ-Каменскій, правильнѣе могутъ быть названы сотрудниками и даже руководителями Миллера, а не дѣтьми его.

Вообще, намъ кажется, что К. Н. Бестужевъ-Рюминъ употребилъ неправильный приемъ при обзорѣ историческаго развитія у насъ научной обработки русской исторіи. Въ настоящее время серьезное сочиненіе по русской исторіи, конечно, должно имѣть строгую ученую аргументацію и основываться на первыхъ источникахъ, точно указываемыхъ. Но одна эта мѣра недостаточна для оцѣнки историческаго развитія науки, гдѣ такъ часто, особенно въ началѣ, имѣетъ великое, плодотворное значеніе нѣчто другое, иногда стоящее внѣ ученой аргументаціи, — сила талантливаго знанія, сила самобытнаго пониманія дѣла.

Переходимъ къ обзорѣ самой „Русской исторіи“, и прежде всего, скажемъ нѣсколько словъ о введеніи автора въ исторію, въ которомъ онъ высказываетъ свое понятіе объ исторіи и свой взглядъ на задачи ея.

Понятіе К. Н. Бестужева-Рюмина объ исторіи принадлежитъ къ числу самыхъ современныхъ и гуманныхъ воззрѣній на прошедшія судьбы человѣчества. Отправляясь отъ понятія объ исторіи С. М. Соловьева, какъ о наукѣ самосознанія, авторъ отвергаетъ гордое воззрѣніе на исторію, какъ на изображеніе дѣлъ высшихъ, цивилизованныхъ націй, и признаетъ значеніе, въ историческомъ развитіи цивилизаціи, всѣхъ народовъ, даже неразвитыхъ. „Всеобщая исторія“, говоритъ онъ, „только тогда станетъ въ полномъ смыслѣ всеобщей, когда она будетъ обнимать всѣ народы, не пренебрегая и тѣми, ко-

торые почему-либо не успѣли развиться". Авторъ принимаетъ опредѣленіе цивилизаціи, высказанное Н. Е. Данилевскимъ, по которому „каждый типъ (народъ) выражаетъ человѣчество съ одной стороны, и прогрессъ, или, если такъ можно выразиться, раскрытіе совершается не въ преемственной передачѣ цивилизаціи, а во внесеніи новыхъ сторонъ; такимъ образомъ, прогрессъ слѣдуетъ представлять не громадною прямою линіей, а множествомъ мелкихъ, расходящихся въ разныхъ стороны линій, чѣмъ усвоится постепенно человѣческому сознанію все богатство содержанія, заключающагося въ человѣчествѣ, какъ совокупности всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣковъ". Нельзя не порадоваться, что этотъ научный и гуманный взглядъ на историческое изученіе человѣчества утверждается у насъ и положенъ въ основу такого серьезнаго труда, какъ книга К. Н. Вестужева-Рюмина. Въ нашемъ русскомъ прошедшемъ мы не жили ни понятіями Грековъ и Римлянъ о варварствѣ всего остальнаго человѣчества, ни унаследованными отъ нихъ понятіями Западно-Европейцевъ о всеподавляющемъ господствѣ интеллигенціи страны надъ массою народною, или одного народа надъ другимъ. Намъ, Русскимъ, естественно, и въ наукѣ нашей исторіи, какъ въ нашей исторической жизни, проводить начала христіанскаго братства для всей массы Русскихъ и для всѣхъ членовъ Русскаго государства.

Изъ этого вѣрнаго начала авторъ выводитъ другое, обуславливающее также вѣрное изображеніе нашего прошедшаго. Не отвергая значенія выдающихся въ исторіи личностей, авторъ однако находитъ, что ихъ мысли и дѣла скрываются въ общественномъ сознаніи, что „лицамъ принадлежитъ болѣе или менѣе удачное формулированіе ихъ и только“, и что, такимъ образомъ, въ исторіи „на первый планъ выступаетъ сложное явленіе, называющееся обществомъ“. Признавая всю важность такого возрѣнія на задачи исторіи, потому что при немъ только возможно глубокое изученіе историческихъ явленій; нельзя однако не сказать, что слишкомъ логическое примѣненіе такого начала можетъ также мѣшать правильному пониманію этихъ явленій, какъ и поклоненіе личностямъ. Оно легко можетъ вести въ обезличенію исторіи, что особенно можетъ быть вредно въ исторіи русскаго народа, какъ народа молодого, богатаго творческою историческою силой и потому способнаго выдвигать часто и много видныхъ личностей и отрывать имъ широкое поле даже для произвола.

Опасеніе это естественно возникаетъ при чтеніи введенія въ исторію К. Н. Вестужева-Рюмина. Авторъ — поборникъ всесторонняго изу-

ченія исторіи, „строгаго, безпристрастнаго изученія фактовъ“, и вѣргъ философскихъ теорій въ исторіи; онъ указываетъ историку необходимость самаго строгаго воздержанія въ выводахъ, когда историкъ желаетъ дойти до представленія дѣлости и единства народнои жизни. Уклоненія отъ этого, такъ-называемыя философскія диссертациі авторъ признаетъ „наиболѣе вредными для самостоятельнаго развитія науки и общества“.

Такому строгому пониманію обязанностей историка нельзя не почувствовать, и мы немедленно стали бы на сторону автора, если бы не видѣли оставленной имъ открытою одной опасной стороны дѣла. Можетъ-быть, мы ошибаемся, но намъ кажется, что авторъ слишкомъ далеко заходитъ въ требованіи объективности и не признаетъ неизбежнаго и слишкомъ важнаго для развитія и науки, и общества субъективнаго, то-есть, личнаго, общественнаго, современнаго, пониманія историческихъ явленій. Вредны и не желательны произвольныя философскія теоріи, вредны и не желательны поспѣшныя, поверхностныя взгляды, но вообще субъективное воззрѣніе. — и неизбежно и необходимо и желательно. Безпредѣльное развитіе науки обуславливается не только болѣе и болѣе долгимъ и основательнымъ изученіемъ фактовъ, но и постоянно смѣняющимся освѣщеніемъ ихъ. Не признавать этого и ожидать полной объективности, значить идеализировать дѣло, и идеализировать вредно, особенно у насъ. У насъ отнюдь нельзя пожаловаться на избытокъ субъективнаго освѣщенія историческихъ явленій; напротивъ того, справедливѣе можно жаловаться на недостатокъ этого освѣщенія, на непроглядный туманъ, покрывающій необозриму ю массу фактовъ нашей исторіи. Наши историки, именно, страдаютъ прежде всего вольною или невольною неохотою освѣщать изученное, и множество основательнѣйшихъ, наблюдений, выводовъ пропадаетъ въ чернилахъ ихъ трудовъ и часто въ ихъ головахъ съ ихъ смертію или и до смерти. Сколько можно бы указать у насъ книгъ, въ которыхъ извѣстные ученые объявляютъ, что такъ какъ такія-то данныя не полны, то они и удерживаются отъ всякихъ сужденій о нихъ, и вся та умственная работа, которая совершалась въ головѣ ученаго, когда онъ собиралъ и приводилъ въ порядокъ тѣ или другія данныя, пропадаетъ даромъ; преемникамъ его: ничѣмъ отъ него не воспользуются и должны снова работать, безъ облегченія надъ сырымъ матеріаломъ: наука замедляется въ своемъ развитіи, общество хуже усваиваетъ взгляды, которые должно бы усвоить даждо. Весьма желательно, чтобы посредственность и легко-

мысли не кидались къ вершинамъ знанія, но весьма не желательно, чтобы талантливое, глубокое знаніе боялось этихъ вершинъ. Ниже мы укажемъ нѣсколько крупныхъ случаевъ того, какъ упущеніе авторомъ изъ виду угла зрѣнія, надъ которымъ историки смотрѣли на событія, привело его самого къ ошибочной оцѣнѣ фактовъ.

„Русская исторія“ К. Н. Вестужева-Рюмина доведена до времени Иоанна III. Въ этой книгѣ бросается въ глаза прежде всего новость, которой нужно желать какъ можно больше подражаній. Событія внѣшнія, политическія строго отдѣлены отъ внутреннихъ явленій исторической нашей жизни, изложены въ самомъ краткомъ, сжатомъ видѣ и основаны на самыхъ первыхъ источникахъ, строго сведенныхъ и точно указанныхъ, при чемъ въ примѣчаніяхъ, какъ мы уже говорили выше, нашли себѣ мѣсто важнѣйшія толкованія ихъ историками прежняго времени и соображенія самого автора. Затѣмъ самое большое мѣсто отведено явленіямъ внутренней жизни, какъ-то: формамъ политической жизни, власти, управленію, суду, сословіямъ, торговлѣ, церкви и литературѣ. Эта вторая часть труда К. Н. Вестужева-Рюмина составляетъ важнѣйшую его работу, и на ней, конечно, главнѣйшимъ образомъ сосредоточивается вниманіе читателей.

Всѣ главы этого труда, обнимающія явленія внутренней русской жизни, составляютъ особня изслѣдованія. Въ нихъ еще съ большею полнотою, чѣмъ въ обзорной литературѣ, собраны въ началѣ каждой главы главнѣйшіе источники и пособія, и затѣмъ при изложеніи дѣла вездѣ указываются, сличаются и разбираются свидѣтельства источниковъ и мнѣнія историковъ. Авторъ, по обычаю, налагаетъ на себя поразительное воздержаніе и терпѣливо, безпристрастно выдвигаетъ мнѣнія своихъ предшественниковъ и современниковъ на историческомъ полѣ. Всѣ эти главы составляютъ прежде всего сводъ и критику фактовъ и пониманія ихъ учеными.

При такомъ способѣ изложенія дѣла авторъ, очевидно, находится въ зависимости отъ предшествовавшей работы ученыхъ, и потому въ древнѣйшихъ временахъ его трудъ полнѣе, обширнѣе, въ позднѣйшихъ—короче. Но зависимость нашего автора отъ прошедшихъ трудовъ въ этомъ случаѣ идетъ еще дальше. При всекъ богатствѣ своего знанія, при всей строгости своихъ научныхъ приемовъ, авторъ во многихъ мѣстахъ явно становится на сторону большинства историковъ, и тутъ-то во всей ясности связывается важность того, что авторъ мало придаетъ значенія субъективности и упускаетъ изъ виду тотъ уголъ зрѣнія, подъ которымъ волино или неволино смотрѣло это боль-

шинство, хотя рядомъ съ этимъ большинствомъ стоитъ недавнее, еще не окрѣвшее меньшинство, далеко иначе осмѣливающее важнѣйшія явленія нашей исторической жизни. Возьмемъ, надримѣрь, вопросъ о нашемъ русскомъ вѣчѣ. Большинство изслѣдователей прежняго времени настроены были мало видѣть и мало цѣнить эту форму нашей жизни и расположены были противопоставлять ей личную власть старшаго въ родѣ, князя. Освѣщеніе вѣча въ дѣйствительномъ его видѣ—дѣло недавнее и выражается въ весьма немногихъ книгахъ—Ив. Д. Бѣлаева и В. И. Сергѣевича. Нашъ авторъ становится на сторону первыхъ изслѣдователей и съ сомнѣніями относится къ послѣднимъ, хотя слишкомъ ощутительно, что правда на сторонѣ послѣднихъ. Или еще болѣе частный примѣръ: извѣстно, что такъ-называемый судный греческій уставъ, страшно жестокосердный, предписывавшій и тѣлесныя наказанія, и поврежденіе, и отсѣченіе членовъ, попадаетъ у насъ весьма часто и въ довольно старинныхъ памятникахъ. Существуетъ мнѣніе, что этотъ жестокосердный уставъ былъ у насъ введенъ еще при Владимірѣ Святѣмъ. Основаніе для этого находится въ томъ фактѣ, что епископы, пришедшіе къ намъ отъ Грецовъ и хорошо знавшіе этотъ судный уставъ, посоветовали Владиміру прибѣгнуть къ смертной казни—по отношенію къ разбойникамъ. Еще болѣе крѣпкое основаніе этого мнѣнія заключается въ томъ, что въ которыя статьи церковнаго устава Владиміра буквально взяты нѣкоторые статьи этого суднаго устава. Между тѣмъ наша Русская Правда по своимъ началамъ для оцѣнки преступленій и для мѣры наказанія рѣшительно противорѣчитъ судному уставу. На этомъ основаніи иные полагаютъ, что составленіе Русской Правды (то-есть, сборника правилъ) вызвано народнымъ протестомъ противъ введенія греческаго законодательства, что Русская Правда есть такимъ образомъ памятникъ не только русскаго законодательства, но и пробужденія русскаго народнаго самосознанія. Нашъ авторъ не придаетъ этому дѣлу особеннаго значенія, проходитъ вскользь мнѣніе о существованіи у насъ, на дѣлѣ суднаго устава, и составленіе свода статей Русской Правды приписываетъ князьямъ, хотя дополненія Правды при сыновьяхъ Ярославѣ, и особенно при Владимірѣ Мономахѣ, несомнѣнно сдѣланы при участіи тысяцкихъ, то-есть, представителей вѣча (такъ какъ трудно не допустить такого значенія тысяцкихъ).

Наконецъ, укажемъ еще на нѣсколько случаевъ изъ позднѣйшаго времени, изъ области внѣшнихъ событій. Исторія первыхъ временъ татарскаго ига представляетъ тотъ особенный интересъ, что

тогда явственнѣе обозначилась внутренняя, народная борьба русской свободы съ татарскимъ рабствомъ и постепенно развивавшаяся привычка къ этому рабству, сдѣлавшемуся затѣмъ нашимъ собственнымъ, внутреннимъ ядомъ. Въ этомъ отношеніи волненія въ Новгородѣ, Ростовѣ и другихъ областяхъ изъ-за перевеса во второй половинѣ XIII столѣтія и позднѣйшія волненія въ Ростовской и Тверской областяхъ, вообще противъ Татаръ имѣютъ высокой историческій интересъ и проливаютъ особенный свѣтъ на исторію развитія Тверскаго княжества, князя которой въ иные времена, какъ напримѣръ, Александръ Михайловичъ, собирались стать во главѣ народного движенія противъ Татаръ. На историка естественно налагается обязанность съ особеннымъ вниманіемъ прослѣдить эти проблески старой русской свободы, такъ какъ въ нихъ можно усматривать мѣру историческаго роста русской цивилизаціи того времени, и такъ какъ потомки обязаны знать и цѣнить особеннымъ образомъ, когда и какъ предки оберегали свою свободу. Но нашъ авторъ проходитъ эти проблески молчаливо или даже совсѣмъ мимо ихъ, потому, конечно, что наша историческая литература пражнаго времени мало этимъ занималась. Наконецъ, улучшение изъ виду того угла зрѣнія, подъ которымъ историки смотрятъ на событія, связывается у автора съ самою болѣею очевидностью приобщеніемъ явленій, способствовавшихъ объединенію Руси подъ Московскимъ единодержавіемъ. Объединеніе это такъ много имѣетъ для себя оправданій въ предшествовавшихъ ему и послѣдующихъ за нимъ обстоятельствахъ, что въ настоящее время не нужно ни для науки, ни для общества возвеличивать его, и пора уже приложить къ нему всю строгость критическаго разума и правилъ здраваго общества. Пора уже сознать, что это объединеніе сопровождалось страшною неразборчивостію средствъ и страшнымъ развращеніемъ русскаго общества. Между тѣмъ, что же мы видимъ у нашего автора? Юрій Даниловичъ, котораго трудно отличить отъ коварнаго и кроваваго Татарина, называется *знаменитымъ* противникомъ князей Тверскихъ¹⁾, Иванъ Калита — *достойнымъ* преемникомъ своего брата Юрія²⁾, и все это въ смыслѣ хорошемъ; позорная рѣчь боярина Всеволожскаго, доказывавшаго передъ ханомъ, что его князь (Василій Темный) потому можетъ быть Московскимъ княземъ, что онъ холопъ хана и что ханъ, кому хочетъ, можетъ отдать свой улусъ, а не тому, кто

¹⁾ Стр. 393.

²⁾ Тамъ же.

указываетъ на свои права и доказываетъ это старыми лѣтописцами, называется *мною* рѣчью¹⁾, хотя болѣе существенный признакъ ея не умъ, а развращающее униженіе. Вотъ гдѣ необходимо нужна современная точка зрѣнія, современное освѣщеніе факта; иначе исторія не будетъ выполнять той существенной задачи, которую ей указываетъ и нашъ авторъ, — развивать народное самосознаніе.

Читая эти замѣтки, читатели, безъ сомнѣнія, видятъ, что указываемые нами недостатки въ рассматриваемой книгѣ вытекаютъ главнымъ образомъ изъ общей постановки вопросовъ, то-есть, изъ того философскаго отношенія къ историческимъ явленіямъ, котораго не одобряетъ нашъ почтенный авторъ. Подобные недостатки — обычный удѣлъ сочиненій, въ которыхъ фактическая обработка и строгая практическая система — на первомъ планѣ. Ужъ одно разбиваніе исторіи на удобные для изученія главы, отдѣлы по однообразной системѣ представляетъ не маловажное затрудненіе для того, чтобы сохранить цѣльный взглядъ, провести его, выдержать. Если при этихъ недостаткахъ мы не получили въ книгѣ К. Н. Вестужева-Рюмина уясненія нѣкоторыхъ важныхъ сторонъ нашей русской жизни, за то имѣемъ въ ней полнѣйшее уясненіе большей части явленій ея, и не смотря на эти недостатки, сочиненіе К. Н. Вестужева-Рюмина можетъ дѣлать впередъ знаніе русской исторіи самымъ могущественнымъ образомъ, особенно въ столицахъ и университетскихъ городахъ, обладающихъ хорошими библіотеками, въ которыхъ можно будетъ молодымъ ученымъ находить и изучать книги, указываемыя этимъ сочиненіемъ. Книга К. Н. Вестужева-Рюмина — лучшее въ настоящее время руководство или пособіе при изученіи русской исторіи.

М. Кояловичъ.

¹⁾ Стр. 410.